

— Вениамин Александрович, за свою долгую литературную жизнь вы написали очень много. Скажите, а как сейчас, с высоты писательского и жизненного опыта, вы относитесь к своим ранним произведениям? Не тянет что-нибудь переделывать?

— Знаете, независимо от того, старую или новую вещь я перечитываю, чувство неудовлетворенности меня почти никогда не покидает. Роман «Исполнение желаний» я переделывал трижды, с промежутком в десять—пятнадцать лет. Я до сих пор считаю, что все еще учусь писать, что завтра непременно буду писать лучше, чем писал вчера.

Вещи, которыми я горжусь, давались с большим трудом. Своим лучшим произведением я считаю роман «Перед зеркалом». Этот маленький роман я мучительно писал в течение четырех лет. Очень тяжело дался мне роман «Художник неизвестен». Эти вещи переделывать не хочется. К сожалению, читатели лучше знают другие мои вещи, менее удачные.

— А «Два капитана»?

— Это, может быть, наиболее интересный из моих романов, но отнюдь не лучший. Первую часть его я закончил еще перед войной и продолжать не собирался. Но я получил письмо от известного советского географа С. П. Хромова, в котором он написал о том, что не удовлетворен концовкой романа, что я должен написать продолжение и развить события, намеченные в эпилоге. Я принял за вторую часть, но так как всегда отталкивалось от реальных фактов, я стал искать подлинную историю, похожую на историю моего героя. Профессор В. Ю. Визе рассказал мне о жизни и трагической гибели полярного летчика С. Леваневского. Эта история дала толчок для продолжения романа, но началась война, я был призван в армию. Поначалу я был военным корреспондентом ТАСС в Ленинграде, но в 1942 году из-за полного истощения был эвакуирован из блокадного города, помещен в госпиталь. В дальнейшем я служил военным корреспондентом газеты «Известия» на Северном флоте. В 1943 году, прибыв в Москву, чтобы доложить главному редактору газеты о положении дел на фронте, я встретил П. И. Чагина, опытного, очень культурного редактора, который напомнил мне о моем

В. КАВЕРИН:

«Я ВСЕ ЕЩЕ УЧУСЬ ПИСАТЬ...»

желании продолжить «Двух капитанов». «Помилуйте, Петр Иванович, до романов ли! — сказал я ему. — Ведь война сейчас». И все же разговор с ним запомнился, и, вернувшись на Север, я стал собирать материалы для второй части «Двух капитанов». Из-за контузии я попал в госпиталь, а когда в конце 1944 года меня демобилизовали, я сразу же принялся за

работу. Написал я вторую часть очень быстро. Впоследствии ее пришлось значительно переработать, потому что торопливость, неумеренная зятанность во многих местах чувствовалась. Просто я очень соскучился по писательскому делу...

По «Двум капитанам» снято три фильма, каждый последующий был хуже предыдущего. Удачнее других был первый, сценарий к которому мы написали вместе с Е. Габриловичем. Это был односерийный фильм; многосерийные версии мне совсем не понравились. Вообще мои произведения начали экранизировать уже в 1926 году, и все эти экранизации я считаю неудачными. Единственная удачная инсценировка — телевизионная версия повести «Школьный спектакль».

Вообще, вы знаете, я счастливый писатель. Вы даже не представляете, сколько людей написали мне, что после «Двух капитанов» решили стать летчиками, полярниками — и стали ими! Вот совсем недавно мне написал видный ученый-архивист И., в частности, сообщил, что в свое

свою долгую писательскую жизнь стремился создавать характеры, которых бы люди подражали.

— Вы сказали, что многие читатели выбрали себе профессию благодаря вашим книгам. А кто вам самому подсказал мысль стать писателем? Когда вы читали писать?

— Вы мне, возможно, не поверите, я почувствовал тягу к писательскому труду, когда был ребенком и только-только научился писать слова. В восемь лет уже написал стихотворение, которое привело мою мать в восторг.

Темно. По улицам Дамаска Крадется медленно таинственная масса. Сейчас мне восемьдесят шесть лет. Последние семьдесят восемь из них я занимаюсь литературным трудом. За исключением военных лет, я все это время пишу, причем каждый день. То есть и в войну я тоже писал ежедневно, но мои писания вряд ли имели отношение к литературе. Однажды меня заперли в одном из «известинских» кабинетов, поставив

стакан чаю, положили два куса сахара и приказали написать передовую статью о каком-то займе. Военному человеку приходится подчиняться приказам, и я написал передовицу. Вначале дело двигалось трудно, а потом ничего — пошло. Было это году в 1943-м или 1944-м.

— Тем не менее писали вы в войну и рассказы.

наши публикации

что ему все хуже становится с каждым днем, с каждым часом. Молчит подруга! Молчат товарищи, которым он играл на своем баяне, — может быть, уже давно полегли за Родину в холодных волнах Баренцева моря? Все молчат, все забыли о нем. Он умрет, и никто на всей русской земле не вспомнит его и не покажет. И не будет для него той красоты, о которой он мечтал, когда сражался и ходил в разведку на отчаянные дела, и трудился на войне, и был дважды занесен пургой, и дважды замерзал до самого сердца. Для него не будет красоты и счастья победы!

И вдруг он получил письмо. Это был обыкновенный лист бумаги, сложенный треугольником, и на обороте, как полагают, полный адрес с именем, отчеством и фамилией. «Мне захотелось написать тебе, милый Федя, — так начиналось это письмо, — хотя ты, без сомнения, давно забыл обо мне, поскольку мы в жизни встречались только однажды. Но, узнав, что ты ранен, я надеюсь, что ты не слишком строго осудишь меня за это письмо. Мне известно, что ты храбро сражался на Крайнем Севере и оправдал свой долг моряка-комсомольца. Не хвастая, скажу, что и у меня в жизни было многое, причем в трудные минуты я, как ни странно, вспоминала тебя». Потом было написано: «Не все ли равно, кто я?» И еще: «Считай, что просто незнакомка», а кончалось письмо на полуприводе: «Во всяком случае, знай, что о тебе думаю и даже чаще, чем...» И дальше шла уже подпись, которую он никогда не мог разорвать. Адрес тоже не был указан. Но зато к письму были приложены две пачки «Дели» и в пакетице несколько шоколадных конфет.

Он читал письмо целый день. Он перепробовал всех знакомых девушек и прежде всего, понятно, вспомнил о той, с которой он гулял до войны. Но это была не она, хотя бы потому, что с ней он встречался не однажды.

Старшина, сосед по койке, спросил его, от кого письмо. И Власов промолчал. — Так, ничего, — сказал он погодя. — Ошибка.

Но это было не ошибка. Прошло несколько дней, и он получил второе письмо. «Мне известно все от одной подруги, которая видит тебя каждый день, — писала незнакомка. — И она сказала мне, что от тебя самого зависит твоё здоровье». Дальше шли советы, по большей части медицинского свойства, а потом стихи, очень хорошие, об одной девушке, кото-

рая ждал бойца, пропавшего без вести. Это было поразительно. Но кто же видит его каждый день? В тридцатой палате дежурили две сестры — Мария Пантелеймоновна и Луша. И еще сидели, которые часто менялись. Мария Пантелеймоновна была рыжая, длинная, в очках, немного похожая на швабру палкой вниз, особенно когда она ругала кого-нибудь перед обходом. Трудно представить себе, что у нее есть подруга, которая пишет такие письма. Луша была, наоборот, маленькая, толстая, смешливая, и недаром старшина называл сестер Патом и Паташоном. Целый день Луша но-

рассказ

НЕЗНАКОМКА

силась по госпиталю в развевающемся халате, и то здесь, то там слышался ее топот и хохот. Она заменяла кого-то в канцелярии, помогала политруку, возилась с тимуровцами. Уж она-то, разумеется, видела Власова каждый день и могла сказать, что, по мнению врачей, от него самого зависит его здоровье.

Но это были такие письма, что Власову было даже немного жаль, если бы этой подругой оказалась Луша. Письма были таинственные, необыкновенные, а Луша была просто Луша.

И он решил до поры до времени ничего не говорить ни Марии Пантелеймоновне, ни Луше. С волнением, с душевной тревогой он стал ожидать новых писем. Он послушался насчет своего здоровья. Прежде он мало ел, все казалось ему невкусным, хотя в госпитале кормили отлично. А теперь стал понемногу есть. Он почти не спал, только под утро. А теперь с вечера постарался уснуть — и ничего, получилось. Теперь ему стало интересно, что пишут другим бойцам. Он слушал, сравнивал. Куда там! Это все были простые, обыкновенные письма — о том, каков уродился хлеб, да справились ли с уборкой, да о том, что у соседей отелится корова.

Но вот пришло третье письмо — и он

не поверил глазам! Как по книге, эта девушка-незнакомка прочитала все, что творилось в его душе, о чем он мечтал и что казалось ему потерянным навсегда, невзвратно. «Не думайте, Федя, — писала она, — что даром пройдет и забудется все, что вы испытывали. Гоните прочь эту горькую мысль. Настанет время, когда вас назовут на весь мир — вот он, Федя Власов, моряк-комсомолец, который пролил свою кровь за счастье отчизны. Все будет восхваляться тобой, как бойцом и человеком. Гордый, во весь рост, отдавая честь, ты будешь стоять на своем боевом корабле и цветными флажками передавать на берег одно слово — «победа».

Насчет флажков было немного напут-

— Да, и некоторые из них мне особенно дороги. Например, «Незнакомка». Я бы хотел, чтобы читатели «Недели» прочли этот рассказ, основанный на вполне реальной истории, свидетелем которой я был, оказавшись в госпитале.

— Вы начинали со стихов. А когда записались прозой?

— Не сразу. Собственно, это случилось по совету Юрия Тынянова, моего большого друга и дважды родственника: он был женат на моей сестре, а я — на его сестре. Однажды я долго мучил Тынянова чтением своей стихотворной драмы, и он в сердцах посоветовал мне обратиться к прозе. Что я и сделал.

— Ваши родители имели отношение к писательству?

— Никакого. Отец, военный музыкант, никогда не читал того, что я пишу, даже тогда, когда я начал широко печататься. Это был человек, беззаветно влюбленный в армию, у него было шестеро детей, и он считал, что все должны стать военными музыкантами. Только один из нас — Александр — стал композитором. Он был талантливым человеком, но безалаберным, поэтому достиг немногого. Самым целеустремленным был старший брат — Лева. Отец почему-то вообразил себе, что тот должен стать скрипачом, днем и ночью обучал его этому искусству и довел до того, что Лева разбил вдребезги свою маленькую скрипку. Стал он в конечном итоге известным ученым-медиком.

Что касается отца, то он служил и в царской армии, и в советской, и подал в отставку лишь в возрасте 72 лет. Случилось это после того, как он отработовал командиром полка в состоянии музыкантской команды по форме времен Александр III. Его посадили на гауптвахту, он обиделся и ушел из армии. Умер он перед самой войной, восьмидесяти лет. В последние годы жизни он просил меня хлопотать, чтобы по радио чаще передавали духовую музыку.

Мать была человеком совсем другого склада. Она получила блестящее музыкальное образование — училась в консерватории. Она была пианисткой, тонким человеком. Пианистом был и ее брат. Так что, как видите, писателей в роду не было...

он все ждал... Прихрамывая, он печально бродил по палате и все думал: что же случилось? Он перечитал старые письма и написал ответ: «Я не знаю вашего имени, отчества, дорогая незнакомка, но хотел бы узнать, чтобы лично выразить свое восхищение». Но кому же отдать ответ? Уж, конечно, не Марии Пантелеймоновне, которая все сердилась и совала ему градусник с таким видом, как будто хотела убить. Луше? Но вместе с письмами пропала и Луша.

Он уже все обдумал, и ему было ясно, что именно Луша и есть та подруга, через которую незнакомка посылала ему свои письма. А может быть, и не Луша. Он спросил у одной сиделки, где она, почему не приходит, и сиделка сказала, что Луша больна. Она сильно захворала воспалением легких, к ней даже ездил главный врач, и болясь, что умрет, но теперь опасность миновала.

Все спрашивали о Луше, не только Власов — в госпитале стало скучно без Луши, без ее топота и хохота, от которого

— Вам довелось общаться со многими известными писателями: от Максима Горького, с которым вы состояли в тесной переписке и который поддерживал ваше творчество, до нынешних совсем молодых, издавших только по одной книжке. Кто вам особенно близок?

— Многие, но особенно хочу сказать о двух — Тынянове и Пастернаке.

Пастернак был художником пророческого типа. Некоторые его нравственные формулы похожи на цитаты из Библии. «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну, ты вечности заложник у времени в плену». Какая точная мысль, которая может увести в самую глубину искусства! Ю. Тынянов был моим другом, учителем. Это был человек необычайно талантливый и необыкновенно разносторонний. У меня в архиве есть рукописи его великолепных рассказов о маленьком городе, где он провел детство и где сейчас устраиваются Тыняновские чтения. Эти рассказы никогда не публиковались, о них никто не знает.

Я всегда старался общаться с людьми, у которых литературный дар совмещался с чистым моральным обликом. Одно с другим все же связано. Это, к сожалению, не все понимают. Подобное непонимание погубило Зошенко, который продемонстрировал исключительное единство нравственной и литературной позиции, но которого почему-то олицетворяли с его героями и ругали его за их недостатки. Его комические рассказы на самом деле глубоко трагические.

Зошенко был одним из Серапионовых братьев — нашего славного содружества писателей. Моя дружба с ним началась, как ни странно, со ссоры. Я считал, что наше братство должно быть замкнутым кружком, его точка зрения была прямо противоположной. И когда он однажды притащил на наше заседание каких-то девиц, которые тут же принялись читать совершенно беспомощные стихи, я взбуртовался. Слово за слово, и в результате я вызвал Зошенко на дуэль. Потом, в конце концов, нас помирили и мы стали большими друзьями. В двадцатые годы Зошенко был самым известным из Серапионовых братьев. Ни Всеволод Иванов, ни Константин Федин, ни Николай Тихонов, ни я не могли сравниться с ним в популярности. В тридцатые годы его начали травить,

почему-то становилось легче на сердце...

Была уже зима. Власов поправился, и его назначили на комиссию, когда Луша явилась, побледневшая и похудевшая, но, кажется, еще веселее, чем прежде. Ей даже было к лучшему, что она так похудела. Она постриглась, глаза стали больше, и она как будто даже выросла, что по возрасту было вполне возможно. Нескольким раз она пролетела мимо Власова в своем развевающемся халате, и он все не решался отдать ей свой ответ. И вдруг решился.

Это было на площадке, куда ребята выходили курить. Он просто схватил ее за рукав и сунул свой ответ в карман ее халата.

— Что ты, Власов? — спросила она с удивлением.

Он промолчал, только покраснел. Тогда она стала читать, засмеялась и тоже покраснела. Они немного постоили, оба красивые, не говоря ни слова, а потом она убежала.

Все утро Власов лежал на койке и ду-

а в сороковые и пятидесятые годы уже просто добились. Зошенко ненавидел мешанины в пропаганде мешанства, это было самое нечеловечное, самое жестокое обвинение, которое только можно было придумать.

И все же я считаю: было бы большой ошибкой полагать, что сталинский террор прекратил литературное развитие. Литература выстояла и никогда не умирала.

Достаточно назвать имена Булгакова и Платонова, писавших и в худшие времена, не утративших свое лицо. Многие произведения писателей того времени приходят к читателю только сейчас. Но ведь они были написаны, они существовали! К сожалению, наблюдается увлечение одними и теми же именами, почему-то мало печатают сейчас в журналах Л. Добычи на, Ю. Олешу, И. Бабеля.

Время, на которое пришлось мое литературное молодость, — поучительное время. Читателю еще предстоит открыть многих писателей тех лет.

Писатели двадцатых годов любили друг друга. И никакие РАППы и ВАППы не могли помешать этой их любви, потому что отношение к литературе имели лишь косвенное. Сейчас некоторые писатели — и неплохие писатели — не скрывают не любви друг к другу. Меня это огорчает. Я думаю, это не способствует расцвету нашей литературы. Жаль, что из писателей моего поколения практически никого не осталось и мы уже не можем воздвигать на нравственный климат в литературной среде.

Время сейчас интереснейшее. Страна вступила в период поисков и надежд. За последние три года произошли колоссальные изменения. Это видно не только по газетам. Я только что был в городе Рязань, на Тыняновских чтениях. После чтения меня привезли на обычный латышский хутор, и я был поражен достатком хозяев. На мой вопрос, как они этого добились, получил ответ: нам теперь не мешают работать. Я думаю, что смысл перестройки именно в этом: не мешать людям работать. Это ведь так важно — иметь возможность работать в полную силу.

Беседу вел
Андрей МАЛЬГИН.
Фото С. ФУРМАНА.

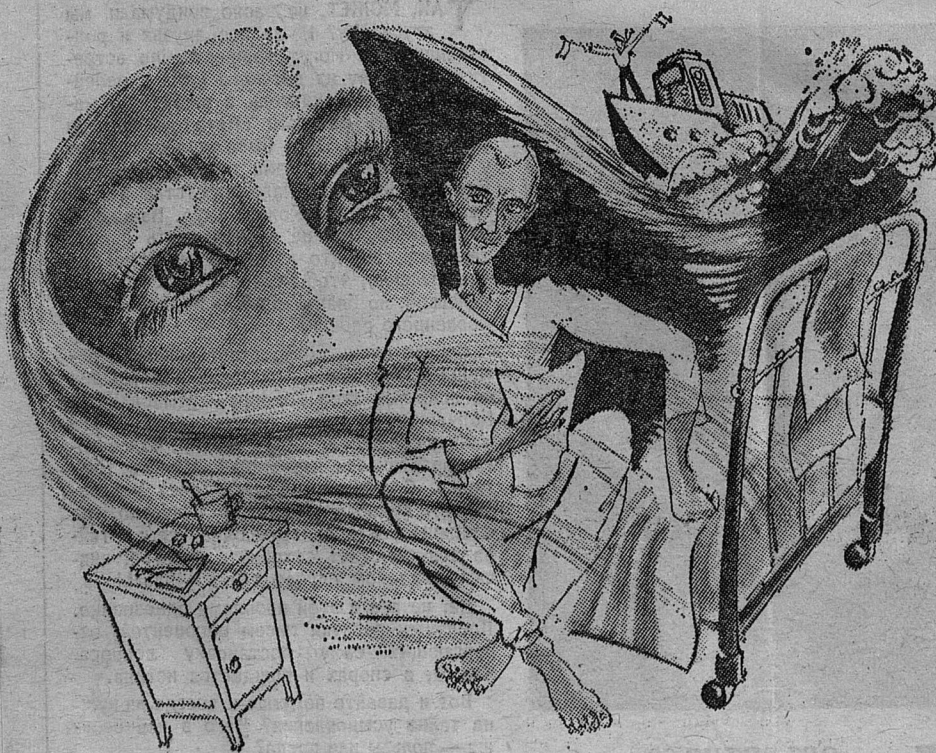

Рисунок Юрия Бирзина.